

Коршун сидел на вершине старой высокой берёзы. Немного ниже, там, где корявый, замшелый снизу ствол расходился тремя лучами, в гнезде сидела на яйцах его самка. Он только что накормил её пойманной на берегу озера лягушкой и мог позволить себе короткий отдых. В последнее время всё чаще он чувствовал в себе труднопреодолимое желание посидеть подольше, равнодушно поглядывая по сторонам.

Берёза одиноко стояла на открытом месте, на бугре. С неё коршуну открывалось озеро. Его дальний берег, болотистый, густо поросший кустарником и камышом, примыкал к вечно хмурому бору. Другой берег был сухой, увалистый. По нему из деревни спускалась дорога, покрытая гусиной травкой и подорожником. В стороне от неё и возвышалась одинокая берёза.

Он видел недалеко от берега лодку. В ней два человека проверяли сеть. Коршун знал, что иногда рыбаки выкидывают за борт небольших снулых рыбёшек. Если немного подождать, такую рыбку ветром прибьёт к берегу. Надо только опередить других желающих завладеть лёгкой добычей. Вдалеке над водой мелькали чай-

ки. И, взмахнув шестипалыми крыльями, он снялся с вершины и направился к озеру, медленно и тяжело набирая высоту.

Солнце клонилось к горизонту. Оно покидало землю где-то за увалом, на котором в гуще тополей и вётел чернели крыши домов. У коршуна ещё был шанс до наступления темноты принести чего-нибудь съестного своей самке. Он чёрным крестиком парил в поднебесье, изредка взмахивая крыльями, наблюдая за лодкой. Когда по её бокам начались ритмичные взмахи вёсел, он тотчас пошёл на снижение. С поверхности озера уже поднимался сизый пар. Это подсказывало коршуну, что скоро ничего нельзя будет различить на воде. Он спустился ещё ниже. И заметил рыбку, стеклянно поблескивающую в последних, красноватых лучах солнца.

В молодости, он ловко хватал рыбу с поверхности озера. Теперь, кружа, не решался проделать этот трюк, боялся, потому, что не мог, как прежде, точно определить расстояние до воды. Наступавшие сумерки не оставляли времени для колебаний. Однако коршун трудно замахал крыльями, уходя на очередной круг. И тут из ближних камышей к рыбке синей молнией

метнулся зимородок. Ещё секунда, и он исчез в зарослях, вместе с добычей. Коршун на тяжёлых взмахах, обескураженный, направился к своему гнезду.

Ночью, сидя рядом с гнездом, он слышал беспокойство самки. Она привставала, взмахивала крыльями, клювом подбирала под себя яйца, тихонько попискивая, словно разговаривая со своими детьми, ожидая их скорого появления на свет. Ночь тянулась долго. Но вот над озером туман слегка порозовел. Вскоре краешек солнца над лесом сделал его красным. И тут же, дремавшие над гнездом берёзовые листья, вдруг ожили, зашевелились, зашептали. В этот момент из гнезда послышался слабый незнакомый писк. Самка в ответ издала торжествующий продолжительный свист. Коршун понял: родился первенец.

С утренним ветерком туман окутал берёзу и, клубясь, поплыл дальше в сторону села. Он побелел и, просвечиваемый солнцем, сиял изнутри, переливаясь радужными волнами. Почувствовав внутреннее беспокойство, коршун поднялся на самую вершину и с высоты осматривался, прикидывая, где вернее всего можно хоть что-то добыть. Ведь теперь ему придётся кормить не только самку, но и птенца. Он вспомнил, как кружа недавно над селом, он видел во дворе крайней избы, за которой начиналось широкое разнотравное поле, курицу с цыплятами. Клуша неспешно водила свою мельтешащую ораву жёлтых комочков, разгребала землю, заботливо показывая, что нашла нечто съедобное. Иногда под её энергичную лапу попадал зазевавшийся отпрыск и с

писком отлетал кубарем. Коршун решил, что в этом дворе он, наверняка, будет с добычей.

И не ошибся. Вынырнув из-за сарая со стороны солнца, он схватил когтями цыплёнка, немного отбившегося от остальных. Перелетая через дощатый забор, слышал, как кричала курица. Но не трогали его эти крики. Он радовался своей удаче, неся в когтях завтрак своей семье.

Солнце ещё два раза пряталось далеко за селом и поднималось над лесом за озером, когда в гнезде появился второй птенец. Коршун, в заботах о пропитании двоих, голодал уже два дня и заметно ослаб. Он искал лёгкую и верную добычу. Вспомнил двор с цыплятами. Горячее солнце стояло в зените. Тень коршуна чиркнула по крыше избы и наискось мелькнула по двору. Коршун заметил, что клушка насторожилась и цыплята с разных сторон покатались к ней. Ещё чуть-чуть и они забьются под её крылья. Он обрушился на жёлтого комочка, который немного замешкался. Однако, комочек катился, стремясь к матери, быстро-быстро мелькая коротенькими крылышками. Коршуна подвело старческое зрение. Он промахнулся, тяжело ударившись о землю. Не успел подняться, как на спину ему вскочила разъярённая курица и, громко крича, стала бить крыльями и больно долбить крепким клювом. С тяжёлым грузом он не в силах был взлететь и бежал, обезумев. Наконец, удалось стряхнуть с себя крылатую фурию и взлететь уже у самого тына, ограживающего широкий двор.

Дворовое происшествие было неожиданным и мгновенным.

Но у него оказались свидетели. Хозяин усадьбы Филипп Яковлевич Осокин, по прозвищу Капитан, хотя он моря отродясь в глаза не видал, (в деревне все, кто был моложе, звали его «дядя Филя») и его сосед Михалыч, по прозвищу Рябой сидели в тени, под крыльцовым навесом. Они разговаривали о недавно прошедшем сельском съезде, где помимо всего прочего председатель сельсовета предложил отпраздновать всем селом трёхсотлетие образования Осокино. Филиппа Яковлевича попросили выступить во время празднования с рассказом о своих предках – основателях села.

– Зря я согласился, Михалыч, – говорил Капитан, – мало знаю о своих корнях. Родители мои почти ничего не рассказывали, боялись.

– А чего боялись? – спросил Рябой.

– Ну как же, их родители, мои дед с бабкой, были раскулачены и сосланы в Нарым. Вернулись в Осокино только в конце пятидесятых. Вот и помалкивали. Да и кто я такой, чтобы перед народом выступать.

– Ты, Капитан, красну девку из себя не ломай. Как ни как, а всю жизнь на ферме слесарем пахал. Опять же ты начитанный, всего Тёркина наизусть знаешь. И сам стишки сочиняешь. Язык у тебя подве...

Рябой осёкся, словно поперхнулся. Во двор камнем с неба упал коршун. Мужики, раскрыв рты, смотрели, как разъярённая парунья верхом скачет на хищнике, молотя его крыльями и клювом.

– Вот это да-аа! – протянул, опомнясь первым, Рябой. – Вот что значит мать. А мы говорим,

курица – не птица. Прямо настоящий зверь.

Капитан стянул с головы белую с чёрным козырьком фуражку, минуту, молча, разглядывал якорь на ней, словно хотел убедиться, что он всё ещё на месте. Потом медленно проговорил:

– Теперь я знаю, куда он пропал.

– Ты про чё?

– Моя на днях говорила, что цыплёнок один пропал. Поискали-поискали – не нашли. Теперь я понимаю.

– Надо ружьё наготове держать, – горячо заговорил Рябой. – И на подлёте его, гада, на подлёте.

– Ну, зачем же так сразу стрелять, – помолчав немного, возразил «Капитан». – У него, у коршуна, есть дети. Вот он их и кормит, как умеет.

– Не за счёт же нас! – ещё больше кипятился Рябой.

– А я старую сеть натяну. Есть у меня такая, вся в дырках. Латать нет смысла – гнилая. Цыплятки мои под ней и вырастут. Зачем же стрелять.

– Нет, я не такой добрый. Я в мае полсотни утят на птицефабрике купил. Они во дворе в ямке с водой обитают. Все на виду. Сколько я на них денег и корму ухлопал, ого! И если этот паразит прилетит, я его миловать не стану.

С появлением на свет второго птенца коршун-мать смогла охотиться. Она летала в ближние поля за село. Коршун-отец по-прежнему кружил над озером. Его добычей были лягушки и ящерицы, её – мыши полёвки. Их первенец, бойкая девочка, заметно опережала в росте своего младшего брата. Она зачастую перехватыва-

вала еду, предназначавшуюся ему. По сравнению с ней братец смотрелся хилым.

После позорного случая с клушей старый коршун облетал село стороной. Его самка, напротив, проложила маршрут в ближние поля над селом, порой проходя над крышами рискованно низко. Она была хорошей охотницей. Ни разу не возвратилась в гнездо без добычи. Иногда приносила трофей покрупнее – суслика. И тогда у малышей наступало настоящее пиршество. Мать аккуратно отрывала кусочки и заботливо вкладывала их в требовательно раскрытые клювики постоянно голодных детей.

Однажды коршун заметил, что его подруги что-то необычно долго нет, ни с добычей, ни без неё. В течение дня тревога его нарастала. Кружа над выгоревшим от палящего солнца увалом, он слышал резкий звук, долетевший со стороны села. Он привык к звукам работающих машин, голосам людей, деревенских петухов, лаю собак. Но этот звук не был похожим ни на один, из известных ему. Нечто подобное иногда по весне доносилось из леса за озером и с его берегов. Но со стороны села таких звуков никогда не бывало.

Он ждал, пока в небе за озером не зажглась первая звезда, но его подруга так и не прилетела. В эту ночь он впервые оставался с птенцами один, согревая их своим телом. Как только солнце чуть показалось над лесом, коршун покинул гнездо. Он должен кормить детей. Повинуясь неясному, но непреодолимому зову, полетел не к озеру, как обычно, а к селу, где вовсю горланили утренние петухи.

Следуя вдоль улицы, он намеревался продолжить путь в поля за селом, где она охотилась, но вдруг заметил нечто такое, что заставило его в страхе резко взмыть вверх. Она висела на шесте возле ворот. Крылья были распростёрты, словно в полёте. Однако, не двигались. Старческие глаза коршуна заставили его пойти на снижение, чтобы ближе рассмотреть распятие. Вдруг со двора красным плевком вылетело пламя, и отрывисто грохнуло: бум! Возле коршуна словно прошелестели шмели. Он в страхе снова взмыл к небу. Позади себя слышал пронзительный и одновременно тоскливый свист своей подруги. Она была ещё жива, она его видела. И прощалась с ним.

Он сделал несколько кругов в недосыгаемой вышине, словно не веря увиденному. Он заметил, как за ворота вышел мужчина. Показалось, с кривой палкой. Шедшая по улице женщина, остановилась возле него и что-то громко говорила, размахивая руками. Да, к Рябому подошла Таська Скабеева по прозвищу Таська Маленькая и, показывая на распятие, сразу перешла на крик:

– Что ж ты делаешь, Ирод! Разве так можно! Чему наши дети научатся, глядя на такое? У тебя-то детей нет. Вот потому Бог тебе их не дал, что ты изверг! Ты хуже фашиста!

– Но-но, ты поосторожней... словами-то.

– А чего мне осторожничать? Я пойду к председателю. Я всё село против тебя подниму. Изверг ты!

Услышав истошные, злые выкрики Таськи Маленькой, к Рябому подошёл его сосед – Капитан.

– Ты вот что, Рябой. Сними сейчас же, не доводи до греха. Может, он ещё жив, – и показал рукой на распятие.

Рябой, нехотя, прислонил ружьё к пряслу и отвязал шнур от шеста. Кинув шнур на прясло, взял птицу за одно крыло. Второе повисло, едва не касаясь земли. Вместе с ним безвольно свесилась голова с чёрным крючковатым клювом. Капитан подошёл, положил голову птицы на свою широкую мозолистую ладонь. От зоба к клюву стекала струйка крови.

– Похороны, – хрипло сказал Капитан Рябому и направился к своему двору.

Старый коршун, сделав несколько кругов над селом, направился к озеру, всматриваясь в травянистую лужайку за огородами. На ней росли редкие кусты чернотала. Ему показалось, что на открытом месте, между кустами, в траве притаилась мышь. Она не сновала туда-сюда, спокойно сидела, видимо нашла нечто съедобное и лакобилась. Значит, его не видит. Коршун обрушился в траву. Получилось не очень ловко – он довольно чувствительно ударился. Но держал в когтях добычу, ощущая её мягкую податливость. Коротко стукнул её клювом, чтобы прикончить, и только теперь понял свою ошибку. В цепких, не знающих пощады когтях распозалась кашка. Её оставила промышлявшая здесь ночью лиса. Разжав когти, он тяжело взлетел и через минуту взгромоздился на вершине своей берёзы. Под ним, в гнезде, видя родителя, отчаянно пищали его дети, требуя еды.

На следующий день, утром, сидя на краю гнезда, он долго смо-

трел на село, словно ещё на что-то надеялся, ждал возвращения подруги. Голодные птенцы наперебой кричали, не закрывая клювы. Коршун поворачивал голову то в сторону озера, то в направлении села. Перелетал на вершину. Возвращался на гнездо. Он, похоже, на что-то решался. И не мог решиться. Наконец, отправился на озеро.

В этот день он принёс в гнездо убитую им ящерицу. Почти всю её проглотил более активный первенец. Коршун понял, что двоих ему не прокормить. Окаменело сидел на вершине берёзы, словно о чём-то тяжело раздумывал. Солнце красным колесом катилось за село, от изб и плетней протянулись длинные тени. Наконец коршун опустился в гнездо. Захватив в клюв младшего птенца, поднял его и, повернув голову, разжал клюв.

Утром Капитан вышел за ворота, держа на одном плече пару вёсел, на другом – мешок, сшитый из клеёнки. В мешке лежала сеть. Утро было необыкновенно ласковое, тихое. Во дворе копошились куры. Их хозяин, с золотым воротником и синими крыльями, гордо восседал на плетне. Подсолнухи широко раскрытыми рыжими глазами из-за плетня с любопытством смотрели на Капитана. А он направился к озеру.

Филипп Яковлевич нет-нет да возвращался мыслью к распятию коршуна. Неожиданно для себя свернул с дороги и подошёл к одинокой берёзе. Ему хотелось узнать, есть ли в гнезде птенцы. Коршуна он заметил высоко парящим над дальним берегом. Подняв голову, Капитан прислушался. Гнездо чернело на высоте

восьми-десяти метров. От озера тянул лёгкий ветерок, и листья берёзы с ним перешёптывались. Не услышав характерного писка, Капитан уже собрался уходить, взяв прислонённые к дереву вёсла, но вдруг заметил в траве под ногами птенца. Подумал: «То ли сам выпал, то ли родитель от лишнего рта избавился?» Размышляя, он, то намеревался возвратит птенца в гнездо, то собирался посадить его в карман. Наконец, взял его в ладонь, чтобы поближе разглядеть. Нежный, серовато-белёсый комочек пуха слабо и беззвучно раскрывал клюв. Глаза птенца оставались закрытыми. «Дело плохо», – решил Капитан. Внимательно осмотрел берёзовый ствол, прикинул расстояние до гнезда и понял: для него оно недостижимо. «Эх, скинуть бы годочков хотя бы тридцать» – подумал он. Сунул птенца в карман ветровки и зашагал к берегу.

Первое, что сделал Капитан, проверил сеть, поставленную им вчера вечером. Рыбы оказалось немного, и он оставил сеть на месте. Вынимать вторую из мешка не спешил. Взял рыбацкий нож и самую мелкую рыбку аккуратно порезал на маленькие кусочки.

– Ну, брат, – сказал он, обращаясь к птенцу, – только от тебя зависит, будешь ты жить или нет. Вот я тебе рыбки приготовил, на-ка. – И положил кусочек в раскрытый клюв. Птенец жадно проглотил угощение, слабо пискнув.

– Ага, понравилось? А вот тебе ещё. Ешь, малыш, ешь. Да расти большой.

Так, балагурия, Капитан скорчил птенцу всю рыбёшку.

– Вижу, у нас с тобой дело пойдёт, – удовлетворённо заключил он. Ладонью зачерпнув за бортом, попытался напоить птенца, но из этой затеи ничего не вышло. Птенец захлёбывался, вертел головой и отчаянно пищал.

– Как же тебя родители поили? – озадаченно спросил Капитан. – Или вообще не поили? Ладно, посиди вот тут, на тряпице, пока сеть буду ставить. – И взялся за вёсла.

Возвратясь домой, Филипп Яковлевич спросил жену едва ли не с порога:

– Мать, где-то у нас шприц один оставался. Помнишь, в прошлом годе фельдшерица колола меня?

– Зачем тебе?

– Гость у нас, пить хочет. Напоить надо.

– Что за гость такой, из шприца пьёт. Наркоман, поди?

– А вот, посмотри, – сказал Филипп Яковлевич, держа птенца на ладони. – Вишь, какой красавец. Пуховый!

– Ну, и зачем ты его от родителей отнял? Филя, ты просто, как пацан. Было бы тебе семь годиков, я бы не удивилась. Но ты давно седой.

– Понимаешь, мать, какая тут драма. Родителя его, как ты знаешь, Рябой убил. Я так думаю, что второй родитель из гнезда его выкинул, чтобы прокормить остальных. Одному-то ему, видимо, не потянуть. Прямо, как у Горького написано: «Ты, Ляксей, не мядаль, на шее у меня тебе не место, а иди-ка ты в люди». Вот он и пришёл к людям.

Женщина пожалала плечами и пошла искать шприц.

Утром, уходя на рыбалку, Филипп Яковлевич, птенца взял с собой.

– Свежей рыбой накормлю, – объяснил он жене. Она сказала, улыбаясь:

– Заботушку себе нашёл. В детстве-то не наигрался?

Он остановился на пороге, обернулся.

– Я его Степаном назову.

– Почему именно Степаном? – спросила она. – Может это Степанида.

– Сам не знаю. А как посмотрю на него – Степан. И так посмотрю, и так – Степан.

Женщина рассмеялась

– Ладно, уж, иди. Только к батюшке нашему крестить не понеси, а то в психушку отправят вас вместе со Степаном.

В заботе о птенце Капитан стал ходить на рыбалку практически ежедневно. Малыш имел завидный аппетит. Быстро окреп, пошёл в рост. Вскоре начал менять пух на оперение. Прорезались крылышки. Он привык к лодке, как к своему гнезду, спокойно сидел на деревянной доске – сиденье в носовой части. Когда Капитан освобождал рыб из сети, громко пищал, широко раскрывал клюв и от нетерпения отряхивался.

– Потерпи маленько, Степан, – говорил ему Капитан. – Сейчас я тебе свежатинки накрошу.

Старый коршун был постоянно на виду. Он кружил высоко над берегом. Видел ли он в лодке своего младшего сына? А если видел, какие чувства испытывал? И вообще, может ли он чувствовать что-то, как мы? Эти вопросы задавал себе Капитан, когда, закончив проверять сети, всматри-

вался в парящего в небе одинокого коршуна.

Незаметно весь пух на Степане, а он довольно быстро стал откликаться на своё имя, прыгивал со скамейки и бежал, ковыляя и подсакивая, к Капитану, заменился бурными перьями в охристых пятнах. В основании крючковатого клюва образовалась щетинчатая уздечка. Всё чаще и чаще, на сиденье в лодке, вытягиваясь во весь рост, коршунёнок махал крыльями, словно испытывая их. И однажды взлетел. От неожиданности Капитан, следя за своим воспитанником, сильно задрал голову, навалился на борт, лодка накренилась и знаменитая на всё село белая фуражка с якорем полетела за борт. Человек в молчаливом восторге наблюдал первый в жизни полёт возвращённой им птицы. Может быть, также конструктор наблюдает первый испытательный полёт созданной им машины? Нет, здесь было другое. Так смотрит отец на первые шаги своего ребёнка.

Сделав неширокий круг, Степан возвратился к человеку, которого считал своим родителем, и взгромоздился на плечо Капитана. В груди ошарашенного Филиппа Яковлевича бешено колотилось сердце. Он гладил жёсткие перья Степана, приговаривая:

– Молодец, сынок, молодец. Чего тут ещё скажешь, молодец. На-ка вот тебе рыбку.

Степан перехватил угощение из руки Капитана и, взмахнув крыльями, опустился на скамью. Как ни в чём не бывало, стал щипать, прижав рыбу когтистой лапой.

Когда Капитан причалил лодку к берегу, намереваясь идти домой, Степан снова взлетел и,

набрав высоту, пошёл широким кругом над увалом, распластав крылья. Полёт ему явно нравился. Филипп Яковлевич несколько минут наблюдал за ним, а потом, привязав лодку, сказал:

– Ну, вот и всё. Прощай Степан. Теперь я тебе не нужен. Живи, вольная птица.

И был очень удивлён, когда подойдя к своей избе, увидел Степана сидящим на крыше. Утром, выйдя во двор, Филипп Яковлевич нашёл Степана на том же месте.

– Во, как! Ты, значит, охраняешь меня, что ли, Степан, а? Может, мне нашего Тарзана в отставку? А, Тарзан? Пёс, звеня цепью, ласкаясь, поставил передние лапы на грудь хозяину. С удовольствием подставлял кудлатую башку под треплющую уши ладонь.

Услышав своё имя, коршун повернул голову и продолжительно свистнул. Заметив, как Капитан вышел за ворота с вёслами, взлетел и направился в сторону озера. Он сидел на носу лодки, когда капитан подошёл к ней. По пути Филипп Яковлевич видел на одинокой берёзе двух коршунов, сидящих рядом. Теперь они кружили высоко над увалами.

В это утро туман над озером был непривычно холодным. Как только лодка заскользила по воде, Степан взлетел. Проводив его взглядом, капитан, натянул капюшон на голову и направился к ближайшей тычке, к которой вчера привязал сеть. Первую рыбку он положил на носовую скамью и через минуту услышал над головой знакомый посвист. Пикируя, Степан схватил её и взмыл в небо.

– Ловок ты, сынок! – одобрительно крикнул ему Капитан.

Недолго они ходили вместе на рыбалку. Начались холодные дожди, а когда установилась солнечная погода и Филипп Яковлевич с женой начали копать в огороде картошку, Степан исчез. Не появлялись больше и обитатели одинокой берёзы. Вскоре с неё облетели листья, и только чёрное пятно гнезда рельефно выделялось на синем небе в ясную погоду.

Зимой, глядя в закуржавевшее окно, Филипп Яковлевич вспоминал своего пернатого воспитанника. Иногда садился за стол, брал лист бумаги.

– Что, стихи? – спрашивала жена.

– Хочу о своём коршуне поэму написать. Да что-то трудно она мне даётся. Боюсь, ничего не выйдет.

Написал ли Филипп Яковлевич поэму, селу неизвестно, а в апреле он заметил на крыше своей избы Степана. Возбуждённый до крайней степени, капитан вскочил в избу с криком:

– Посмотри, Ань, кто к нам прибыл! Он не забыл нас! Ну, пойдём скорее, он на крыше!

И новое лето они рыбачили вместе. Степан отдыхал или на носу лодки, или на плече Капитана, который без умолку молот птице всякую чепуху. Коршун молча слушал и Капитану казалось, что он всё понимает. А в сентябре, как год назад, Степан снова исчез. Филипп Яковлевич решил, что на этот раз – навсегда.

Однако весной, когда зазеленели береговые увалы, он увидел, как над его избой кружат два коршуна. Сердце старого рыбака ёкнуло. «Не мой ли сынок подругу привёл?» – подумал он.

– Степан! – закричал. – Степан!

Одна из птиц отделилась и стала элегантно спускаться. Ниже, ниже и уселась ему на плечо.

– Здравствуй, Стёпушка! Не забыл, сынок. Ах, ты мой хороший. Можно тебя погладить?

Как только он коснулся птицы, коршун слегка подпрыгнул и, в два взмаха был уже высоко над головой. Он устремился к подруге, опасливо кружащей в вышине.

На краю бора, почти у самого берега, на высокой сосне с развилкой у вершины появилось гнездо. Капитан однажды заметил его с лодки. И ещё он заметил, что вокруг той сосны хлопочут два коршуна. В том, что один из них Степан, сомнений почти не испытывал. Но всё-таки решил проверить. Как в бытность, он положил на носовую скамью рыбу и позвал:

– Степан! Степан!

Степан не стал кочевряжиться. Раз угощают, так чего тут. Он был над лодкой уже через минуту. Спикировав, схватил рыбу и взмыл в небо. Иногда Филипп Яковлевич видел Степана сидящим на своей крыше. Однажды, придя с рыбалки, он узнал от

жены, что звонил из города сын, сказал, что они там скучают и приглашают в гости.

Филипп Яковлевич повесил на гвоздь выгоревшую на солнце ветровку, сел за стол напротив жены, сказал:

– Не могу я сейчас никуда ехать. Понимаешь, у моих коршунов птенцы. Надо молодым помочь детей поднять. А в начале сентября, когда наш внучок в школу пойдёт, обязательно съездим, погостим.

– Чудак. Как же ты им поможешь?

– Рыбу на крышу туалета буду класть. У него глаза зоркие, увидит.

– Почему на туалет?

– На избе кошки сразу найдут.

– А на туалете не найдут?

– А ты видела когда-нибудь кошку на туалете?

– Не замечала что-то.

– Вот то-то и оно. Кошки слишком большие чистюли, чтобы нюхать такое.

Женщина рассмеялась.

– Какой ты у меня умны-рый, – сказала она и коснулась головой его плеча.